УДК 316.385:323(045)

*И.В. Хлебников***ПЕРЕСМОТР ТЕОРИИ МАССОВОГО ОБЩЕСТВА КАК ПРЕДПОСЫЛКА РАЗВИТИЯ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ**

Рассматривается положение некогда влиятельной теории массового общества, столкнувшейся с ограниченностью в том числе научного инструментария, ее критика со стороны некоторых классических рационалистических подходов, развивавших многие собственные положения в качестве контраргументов ТМО. Подчеркивается взаимосвязь между взглядами, преемственность между движениями и стремление к теоретическому синтезу. Прослеживается постепенное теоретическое оформление субъективно-эмоциональных компонентов в историческом разрезе. Поскольку напряжение существует де-факто, то имеющаяся сеть культурных контактов и личностных предпочтений преломляет объективную связь с событием и оказывает влияние на активность. Отправным подходом для критики ТМО стало всестороннее обоснование свойств социальных проблем как равновеликих движениям. Поясняется необходимость привести в соответствие с новыми историческими реалиями основные позиции ТМО. Уделяется внимание сравнению теоретических факторов и механизмов формирования действия. Делается вывод о неудавшейся попытке адаптации ТМО к новым реалиям и преодоления теоретических ограничений, что в конечном итоге оформило предпосылки развития новых подходов.

Ключевые слова: теория массового общества, социальные движения, критика, преемственность, синтез, социальные проблемы.

Введение

На рубеже 1950–1960-х гг. стал отчетливо заметен повышенный интерес социальных наук к проблемам дальнейшего развития гражданского общества, его динамике и параметрам гражданской активности.

Социально-экономические и политические условия рождали новые формы отношений между представителями послевоенного поколения. Качественно изменилась роль социальных движений и взгляд на них. Изменились масштабы, формы, отчасти причины формирования и расширилась степень заинтересованности и участия граждан, однако сохранилась общая преемственность в характере, а выводы в исследовательской традиции первой половины XX в., несмотря на расцвет новых взглядов и парадигм, скорее соположены результатам последующих исследований. Точек соприкосновения значительно больше, нежели методологических установок, разделяющих идеи, несмотря на возрастающую интенсивность параллельных исследований социальных движений в различных областях.

Подход, некогда предложивший яркое обоснование зарождения, процветания и естественного угасания движений, механизмов формирования и мотивов поведения индивидов, находящихся внутри потока, подвергся критике, в результате которой инициировал стремление к социокультурным исследованиям во второй половине XX в., значительно повлиявший на развитие интеллектуальных основ в объяснении социального поведения, механизмов организации и дезорганизации обществ указанного периода.

Новое прочтение, переоценка сторонниками, например, широкого когнитивного подхода эндогенных процессов социальных движений вызывает вопрос о связи современных и предшествовавших взглядов. Каков характер этой связи, степень взаимопроникновения? Во-вторых, естественным образом ведет к переоценке исторической связи между движениями, иначе преподносит их внутренний и внешний морфогенез, причины и мотивы участия и развития, изменяет представление о жизненном цикле. В результате социальные движения, в первую очередь прошлого, обретают иной, во многом постклассический, облик. В-третьих, современная исследовательская тенденция направлена в сторону все большего синтеза теоретических подходов различных дисциплин, однако без формулирования видимого и общезначимого основания, которое могло бы продуцировать стабильную методологию исследования социальных движений как прошлого, так и настоящего без серьезного размежевания оценок, их взаимного удаления друг от друга. Поэтому как вопрос о преемственности в исследовательской традиции, бурно менявшейся и находящейся в поиске новых оснований, так и общеисторическая линия взаимосвязи между движениями приобретают видимость актуальности.

Теоретические основания

По мнению Е.А. Здравомысловой – отечественного автора наиболее заметного очерка, посвященного обобщению исследовательских парадигм в данной области, – «Парадигма – более общее понятие, чем концептуальная модель, теория или совокупность теорий. В данной работе под парадигмой понимается некоторая общность принципов и постулатов, лежащих в основе теоретического подхода. Включение тех или иных концептуальных моделей в парадигму обосновывается их методологической общностью. Исходные принципы во всякой данной модели или теории иногда декларируются, а иногда только подразумеваются. Авторы разных моделей не всегда идентифицируют себя с определенной парадигмой» [3. С. 6].

Во взаимодействие парадигм активно вмешивается национально-политический аспект и исторический, поскольку от них напрямую зависят типы движений, получивших развитие или оставшихся на обочине общественного развития. От национально-государственной специфики зависит круг проблем и конфликтных вопросов, решаемых движениями, от политических систем – средства и методы достижения целей, нагруженность идеологией и прочие особенности. В связи с чем осложняется какое-либо прямое сравнение как самих движений, так и инструментария исследования. Известно о существовании европейского и североамериканского исследовательского подхода, в общих чертах соотносящихся на протяжении нескольких десятилетий как внеинституциональный, идеологизированный, исторически ориентированный и институциональный, во многом персонифицированный, реформистски ориентированный. Различны интеллектуальные истоки парадигм: «Для американской школы характерна индивидуалистическая традиция социальной мысли, восходящая к Дж. Локку и Т. Гоббсу, согласно которой общество состоит из автономных субъектов, объединяющихся по собственной воле в коллективы. Такая социальная онтология лежит в основе парадигмы коллективного поведения, где движение рассматривается как результат взаимодействия индивидов в специфических условиях социальной напряженности. Интеллектуальная традиция парадигмы коллективного действия основана на институциональном подходе к обществу, связанному с именами А. Смита и Дж.С. Милля. В этой традиции общество рассматривается как система социальных институтов и организационных структур. Таким образом, предметом социологического знания... становятся не личности, а организационные единицы, образующие общество. Общество, согласно этой точке зрения, представляет собой совокупность рациональных коллективных субъектов – социальных институтов. С позиций рационализма, характеризующего функционирование социальных институтов, рассматриваются и общественные движения» [3. С. 6-7]. И далее: «европейские исследователи концентрируют внимание на макросоциальных детерминантах, на роли движений в исторических изменениях, соотнося их с определенными социальными силами, ценностями и нормами. Общественные движения в этой парадигме выступают как социальные субъекты. Новые движения представляют собой движущие силы исторического развития на современном этапе» [3. С. 7].

Несмотря на различия в идейно-исторических истоках, объектах исследования, методологии ранних концепций, заострившие внимание на причинах происхождения, морфогенезе и макрофакторах (политических и социально-экономических) могут иметь общность, служить основанием современных подходов, но в новом качестве, также делающих акцент на сущность и взаимозависимости состояния общества и движений.

Метод

Предполагаемая историческая связь, преемственность между формами социальной активности всплесками молодежных групп, пробужденных в предвоенное десятилетие экономическими реформами, «новым курсом» и первых послевоенных десятилетий, активно иллюстрировалась в теории массового общества (ТМО). Множество авторов утверждали собственные аргументы в пользу исторического вторжения масс в сферы общественной жизни. Создав стройные концепции изменения общественно-политической сферы, слитые в единый массив теории массового общества, исследователи получили убедительные доказательства. Ими была раскрыта сущность, причины зарождения, расцвета, политические, культурно-психологические особенности поведения массовых социальных движений, их роль, соучастие в обновлении социальной реальности. Однако в конце 1950-х ТМО напомнила еще раз о своем элитистском характере, обнаружив ограниченность, в том числе научного инструментария и подтолкнув к обновлению модели, ее теоретических и эмпирических основ.

Конкуренцию составил взгляд, согласно которому широта социальных проблем определяла облик социальных движений, в том числе и в прошлом в силу действия структурных факторов. Особые социальные условия распознаются многими социальными группами с общим интересом как проблемы. Условия будут изменяться со временем при том, что степень проблем будет оставаться неизменной. Тем самым общественные институты, используя кооптацию и подавление, удержат расширение социальных проблем в управляемых пределах. Каждое общество имеет квоту социальных проблем в силу существования лимитов источников, питающих проблемы и ограничения вызовов существующему равновесию, балансу в обществе. Существование периодов социальных реформ, ограниченных во времени, содержательным наполнением, возвращающих систему к стабильности, фиксирует объём социальных проблем, делает его более постоянным, не выходящим за крайности. Общества как системы с управляемым напряжением в любые исторические периоды испытывают перемены и без сверх драматических процессов, например, революций, под влиянием неоднородностей, неизбежных в любых общественных процессах, по причине несоответствия общественного идеала реальности. Однако быстрые перемены, социальная дезорганизация, нормативная несовместимость и прочее предоставляют общее поверхностное видение и понимание социальных проблем и соответствующих им социальных движений. В связи с чем сторонники «коллективного поведения» обратили внимание на необходимость поиска объяснений всего комплекса причин развития общественных движений сквозь проблемы социализации и природу общественного строя. В этом понимании прогнозирование, изучение социальных проблем усложняется историческим взглядом на структурные факторы, сближающие периоды по ряду параметров. Поэтому возможное установление параллелей между социальными проблемами, их качествами открывает вероятную возможность сравнения и преемственности форм активности.

Указанный подход предполагает, что многие свойства социальных проблем могут оказаться типичными для социальных движений. При том, что эти свойства включают в себя преимущественно субъективные представления, например, личные интересы, пути их реализации. Тем самым в подходе указывается на взаимозаменяемость, эквивалентность, равновеликость значимости категорий социальные проблемы и движения.

В свете теории коллективного поведения и последующих теоретических изменений, сфокусировавших внимание на субъективных репрезентациях, позволяющих массам действовать сообща, была представлена формула происхождения и сущности движений, в которой одинаковые социальные условия могут определяться как проблема или нет в зависимости от ряда факторов. Культурно-временная напряженность не менее значима, нежели реальные недостатки условий, которые создают проблему.

Таким образом, в работе использованы критический анализ наиболее важных положений, сравнение методологических позиций, историческое сопоставление наиболее заметных подходов середины XX в.: ТМО коллективного поведения, подходов, связанных с субъективными психологическими, структурными факторами и отождествляющих социальные проблемы с самими движениями. Определяется проблемная связь в обществе между волнами движений в границах одного периода истории, в котором созрели такие необходимые условия, как: структурная предрасположенность, структурное напряжение, мобилизация участников и изменения в системе общественного контроля. Пересекаясь, эти факторы усиливают вероятность социального недовольства и роста общественных движений.

Усилилась критика ТМО, опиравшаяся на универсальные представления об общественном развитии, и отказ от поиска специальной теории в аспекте объяснения происхождения и сущности общественных движений в какой-либо социальной системе. Многие трактовки «объективистов» оказались размыты, а количество сторонников социально-психологического «субъективизма» увеличилось. Так, например, благодаря Н. Смелзеру, факторы структурной предрасположенности и напряжения в обществе заранее предвещают появление новых движений, тем самым замещая собой социально-экономические факторы или же сливаясь с ними. Однако, опираясь на критические замечания, главная цель, предсказание будущего характера какого-либо движения, ускользнула от многих авторов. Стало очевидно, что весьма сложно заглянуть за горизонт известных аспектов. Например, очевидно, что в одном политическом климате с одним набором социальных проблем и условий более вероятно возникновение некоторых типов социальных движений, чем в других. Дополнительное разграничение характеристик демократических, открытых и закрытых обществ в 1950-х в период расцвета доктрины тоталитаризма, временно мешало теоретическому обновлению. Н. Смелзер видит «объектив-

ность» указанных факторов, отмечая, что они отражают связь между событиями и индивидуальными стандартами, предпочтениями. Однако даже если напряжение существует де-факто, то имеющаяся сеть культурных контактов и личностных предпочтений преломляет объективную связь с событием. Субъективность неизбежна и значима. С другой стороны, общества как системы с управляемым напряжением, вынуждены нивелировать напряжения и быть достаточно мобильными с целью уменьшить количество социальных проблем. Сложно предсказывать характер будущих движений и время, периоды их возникновения. Существование во времени некоторой квоты проблем, отклонений (девиаций) как формы реакции на них, определяемых самим обществом, подвигают систему к саморегуляции, восстановлению баланса. Уровень допустимых отклонений остается неизменным длительное время, задавая колебания маятника. Спады и подъемы, определяемые структурными факторами, усложняются историческими особенностями. Например, в истории США два периода, активно создававшие большое количество социальных движений – прогрессивная эра и 1960-е – были близки по структурным характеристикам, соответственно, характеры движений во многом были схожи. Кроме того, американские движения изначально позиционируются и в сумме воспринимаются как действующие в рамках установленных, неизменяемых общественно-политических ценностей в пользу групп населения, лишенных доступа к некоторым благам. Соответственно, такая форма активности в массовом национальном сознании аддитивно воспринимается и как легитимная, и как справедливая. Исторически заметны и некоторые колебания социальных проблем, их масштабов, но в целом большую часть времени они вполне устойчивы.

Благодаря психологизму, девиацией со стороны исследователей были обоснованы многочисленные проблемы индивидов в обществе (преступность и пр). Именно индивид, в первую очередь в американской научной традиции, находился в центре внимания, пока движения рассматривались как поведение или действие их суммы. Но качество этих проблем теоретически сложно поставить в центр указанных значимых факторов. Это дополнительный (второстепенный) инструмент исследований. Большинство же социальных проблем, напрямую несвязанных с девиацией, были в дальнейшем обоснованы развитием, ставших популярными процессов мобилизации, также связанных с распространением отклонений. Существование групп интересов, общественных диспозиций, противостоящих друг другу, опирающихся уже не столько на понимание социально-экономических аспектов, ориентируется на этическую норму или ценности. Таким образом, проблематические движения, будь то нормативно или ценностно ориентированные, во все времена во многом опирались на психологические факторы, разграничивающие, идентифицирующие причастных и противостоящих индивидов.

Теоретическое размежевание этих двух групп факторов, в сущности, не было целесообразно в силу дополнительных причин. Как утверждалось в классических подходах, изменение количества социальных проблем связывалось с экономическими изменениями, расшатыванием социальной структуры. Отмечая взаимосвязь периодов, отличавшихся бурным экономическим, техническим и пр. подъемом, («субъективисты») П. Бергер, Т. Лукман предприняли попытку подробно исследовать социально-психологические следствия экономического процветания, то есть зрелость сознания, увеличение количества свободного времени и активности, ... позитивно влияющих на динамику и количество проблемно ориентированных движений [2]. Объединяя идеи, можно сказать, что доля социальных проблем в обществах естественна, бывает связана как с девиацией, недостаточностью изменений, некоторой дезорганизацией, согласно, например, Дюркгейму, и определяется самим обществом и задает в нем границы возможного и допустимого [7. Р. 198; 9. Р. 98]. Тем самым уровень социальных проблем на протяжении длительного периода, как правило, фиксирован, а всплески социальной активности фиксируются в системе репрессивными механизмами и воспроизводством элементов системы через кооптацию.

Результаты

Таким образом, традиционные подходы, например, классовый, опиравшиеся преимущественно на объективные факторы различного свойства, получили значимое дополнение в виде взглядов, ставивших на первое место, в том числе по отношению к иным историческим периодам и условиям, субъективные факторы. Нельзя утверждать однозначно, что осуществлялась жесткая критика теории массового общества, поскольку классический взгляд на социальные движения сохранял заметное влияние до 1970-х гг. Скорее речь шла о взаимном дополнении, поскольку сохранялось понимание движения как реакции, пусть и противоестественной, на напряженность, широко толковалось поня-

тие интереса. Развитие интереса более вероятно, если нет удовлетворения социальной позицией, ролью в общей структуре. В широком смысле эта неудовлетворенность в сочетании с расширением проблем рождает социальные движения.

Основные линии изменения ТМО касались вопроса чрезмерного внимания к различным сдерживающим факторам и эффектам образования групп. Теория отказывала группам в нейтральном или побуждающем характере эффектов мобилизации, в том числе коммуникативных эффектов, продиктованных наличием социального напряжения. Было высказано предположение о доминировании мобилизации и коммуникации над сдерживающими факторами в начальный период организации социальных движений. В открытых системах индивиды, объединяющиеся на различных основаниях, оказываются более склонны к массовой деятельности, участию, нежели «атомизированные» индивиды – основные участники доктрины тоталитаризма и ТМО.

Возникла необходимость привести в соответствие с новыми историческими реалиями основные позиции ТМО. Выводя на первый план социально-психологические механизмы, исследователи постулировали их большую универсальность в общеисторическом процессе, тем самым находя общие или схожие характеристики в деятельности сообществ и движений, например, конца XIX и первой половины XX в.

Каковы так называемые механизмы торможения, сдерживания, как рестриктивные поля, на которые опирались критики ТМО? Или же недооценивали сторонники ТМО и прочих параллельных моделей? Их перечень довольно широк. В более содержательном плане их легче обнаружить в работе У. Корнхаузера, в которой автор выступил с «примиряющей» позицией взаимного влияния масс и элит не опосредованного какими-либо общественными структурами [12]. В их отсутствии автор усматривает сущностную черту массового общества и основу механизма, запускающего «вторжение масс» в политику. На первый план выходит отсутствие широких общественных связей у индивидов.

Следует заметить, что позиция У. Корнхаузера неоднозначна в силу того, что являясь сторонником ТМО, одновременно вел его критику, противопоставляя массовому обществу облагороженный вариант плюралистического общества, основывающегося на существовании развитых коммьюнити. В этом его позиция заметно коррелирует с идеями Д. Рисмена [14]. Во-вторых, исторически очевидно, что развитие западных обществ 2 половины XX в. в ущерб доктринальности шло по пути развития локальных сообществ, коммьюнити, которые де-факто стали лучшей почвой для местных движений, в первую очередь обеспокоенных проблемами личной безопасности и потерей доверия власти.

Сложность массового поведения, согласно ТМО, объясняется слабостью интегрирующей функции в обществе, но не ее полным исчезновением, а атрофированием. У. Корнхаузер, не обращая внимания на атомизацию индивидов, значительно отходит от пути, предложенного, например, Х. Арндт в «Истоках тоталитаризма».

К ограничивающим механизмам относят следующие. Во-первых, наличие развитой сети вторичных групп, предотвращающей чрезмерное политическое участие. Во-вторых, наличие групп, повышающих социализацию индивидов, помогающих осознать принадлежность и цели, а также борющихся ненасильственными средствами за их реализацию. В-третьих, наличие организаций, поддерживающих структуру социальных предпочтений и отношения элит и масс, влияющих на оценочное восприятие друг друга. В-четвертых, наличие «санкций», установленных организациями с целью предотвращения достижения или закрепления целей вне каналов, установленных самой организацией. В-пятых, организации предотвращают отвержение целей и идеологии, характерных для движения. В-шестых, групповое участие предоставляет защиту от социальных оппонентов, сохранение статуса и приемлемый уровень жизни.

С серьезной критикой в начале 1960-х выступил один из основателей постиндустриализма Д. Белл в работе «Конец идеологий», поскольку социальная структура рождавшегося постиндустриального общества, ее стратификационные линии не совпадали с линиями размежевания индустриального общества и приобрели постматериальный характер [5]. Постиндустриализм Гэлбрэйта, Белла и других, также являвшихся заметными критиками ТМО, исследовав особенности социальной структуры, изменение границ социальных слоев в силу новых экономических и прочих обстоятельств, проложили путь к изучению так называемых новых социальных движений (не являющихся предметом работы). В сущности, теоретики массового общества не отрицали напрямую возможность мобилизации [12. Р. 93], с другой стороны, пренебрегали вероятностью сдерживающих эффектов групп. Иными словами, эффекты групп могут быть ранжированы от явно сдерживающего полюса до мобилизации.

Обсуждение

Этой двойственностью воспользовались критики ТМО и постиндустриалисты в частности, чтобы подчеркнуть ту поддержку, которую получает движение от групп в силу их позитивного отношения к средствам, целям движения. Они мотивируют индивидов, предоставляя им санкцию на участие в движении [8]. Теоретики ТМО не могли утверждать, что вторичные группы также могут оказывать нейтральные или мобилизационные эффекты, поскольку твердо полагали, что значительное число организаций оказывает сдерживающий эффект. В случае корреляции групповых интересов и целей с внутренними установками движения эффект мобилизации более, чем вероятен. ТМО предполагала в своей работе, что все групповые образования «промежуточного уровня» – термин Корнхаузера – всегда действуют как референтные группы по отношению к их участникам. Однако значительная часть общественных объединений и организаций не формулируют для большинства участников референтные максимумы, начиная с более узких и сплоченных образований локального уровня и заканчивая общенациональными объединениями. Так, в работах Д. Холден и Дж. Урри развивается мысль о том, что в плюралистическом обществе более, нежели в массовом обществе действуют сдерживающие механизмы за счет распространения (развития) промежуточных групп [10; 16]. Таким образом, сдерживающие эффекты – это часть, свойство промежуточных групп, тогда как первичные группы и их объединения в большей степени, чем иные организации действуют, продуцируют и выступают в качестве референтных основ. Более ранние представления о состоянии массового общества и действиях индивидов как изначально нейтральных [4. С. 94-102; 1. С. 240-296] были пересмотрены в сторону того, что промежуточные группы могут вызвать не только сдерживающие, но и мобилизующие эффекты за счет восприятия ими целей и действий возникающих движений. Промежуточные структуры мотивируют индивида на участие не менее вовлеченных в активность сообществ.

Более строгая оценка вопроса о роли групп в мотивировании движений может быть сведена к тому факту, что «индивид с большей готовностью принимает участие в начинании, когда получает поддержку от ближайшего окружения» [12. Р. 93]. ТМО отказывает в подобном эффекте группам. Однако в последующие годы это теоретическое «упущение» вышло на первый план, поскольку изменившиеся в пределах жизни одного поколения социально-экономические условия стали размывать границы социальной базы массовых движений, и весьма скоро в социальных науках, в частности, в политологии. В этом случае возник новый взгляд и объяснение массовых, в том числе революционных процессов XIX в. и некоторых в XX в. Тем самым сокращается некоторый разрыв с идущими на смену ТМО подходами [13; 15]. Ранние представления о размытости социальных границ, психологическом заражении, атомизации объясняли побудительные мотивы к действию. В дальнейшем зарождение, расширение движения обосновывалось намного раньше в силу предварительной соположенности групповых стремлений и идей взглядам рождающегося движения.

В связи с переносом акцента на изучение процессов, предваряющих развитие социальных движений, такие как процесс привлечения индивида в движение, его расширение, ТМО начала испытывать еще более заметные ограничения. Во многих случаях эффект мобилизации и некоторые другие, воспринятые из сопряженных взглядов, оказались по меньшей мере неподходящими для объяснения начальных процессов. В большей степени они оказывались эффективны для анализа тех процессов, которые развивались в период созревания движений, например, формы и модели участия индивидов.

Выводы

В итоге появились прямые противоречия, которые сторонники ТМО не могли предвидеть. Вероятно, речь следует вести о том, что ТМО нуждалась в существенном дополнении, нежели в полном отрицании и забвении. Тем не менее рассогласования множились. Так, коммуникативный эффект, теория диффузии, частично теория конфликта, коллективного действия постулировали появление в современной культуре новых тенденций, приводящих к развитию автономности, индивидуальности нового типа [2]. Теоретики ТМО допускали, что общественные движения стали составной частью современной культуры и их восприятие способствует распространению. Однако любое восприятие социокультурного элемента происходит не изолированно. На процесс восприятия и распространения влияет степень социальной сплоченности, становящейся своего рода линией стратификации, по обе стороны которой находятся группы индивидов более или менее готовые к восприятию социальной инновации. Чем выше сплоченность, тем быстрее идет восприятие и распространение движения. На

весьма обобщённом уровне это приемлемо, поскольку неудовлетворенность жизненными стандартами легко мотивирует, мобилизует социальные объединения и индивидов. С другой стороны, групповая среда – это коммуникативная среда, щедро обогащающая индивидов знанием о социальных движениях, их целях, средствах, идеологии. Однако именно люди в группах в большинстве своем становятся реципиентами, получателями важной информации, нежели атомизированные индивиды. Эта идея уже диссонирует с основой ТМО. В дальнейшем такой же диссонанс демонстрирует теория конфликта. С одной стороны, конфликт в сообществе представлялся неинституционализированной копией социально-политической проблемы, представленной, например, на национальном уровне движениями. С другой стороны конфликт может и не затронуть пассивное большинство и будет разворачиваться между властным центром и оппозиционным центром. Это важно, поскольку социальная вовлеченность, согласно Дж. Колману, имеет обратный утверждениям сторонников ТМО вектор. А именно, наиболее интегрированные, сплоченные индивиды, затронутые осознанием проблемы, будут быстрее и в большей степени реагировать на конфликт, нежели представители атомизированного сообщества, лишённые идентичности, интереса, лидерства [8]. Данный тезис касается лишь вовлеченности, но не меры или интенсивности участия, поскольку низшие слои менее сдержаны какими-либо обстоятельствами. Очевидно, что Колман неявно побуждал к принятию нового механизма привлечения индивидов в движения. Если учесть вовлеченность представителей среднего класса в социальные движения, то он вполне объективен. Для ТМО подобные утверждения стали заметным вызовом, поскольку они видоизменили представления о роли промежуточных групп, отменяя в их отношении многие эффекты, за исключением эффекта сдерживания. Основа, как представлялось многим, существенная и объективная, меняющаяся картина социальной стратификации. Нацелившись в большей степени на объяснение не сдерживающих эффектов, исследователи сформулировали гипотезу о напряженности, лежащую в основе побудительных обстоятельств, необходимых условий, опираясь на которые, промежуточные структуры или сдерживают, или придают импульс социальным движениям. Непосредственным источником напряженности оказывались недостаточное участие и ограниченные связи с первичными группами. Таким образом, ТМО, большей частью объясняющая благоприятные необходимые условия развития социальных движений, вновь оказалась ограничена теоретическими обстоятельствами нового порядка.

Известные причины социального недовольства первой половины XX в.: экономические проблемы, политическая модернизация, в более широком плане индустриализация и урбанизация не отбрасывались, но получали подчас «пролог» в форме социопсихологических ожиданий и напряжения, возраставшего по мере ослабления, размытия сложившихся жизненных правил и стандартов перед лицом новых обстоятельств. В ситуации чрезмерной напряженности, когда обрываются коммуникативные, институциональные каналы, призванные сглаживать некоторые общественные противоречия и решать проблемы, промежуточные структуры не могут сдерживать ситуацию недовольства и возникновения движения. Поведение индивидов характеризуется недоверием к коммуникации на всех уровнях, групповой миграцией, атмосферой общего разочарования. В теоретическом плане первоначальные максимумы ТМО, среди которых внимание к сдерживающему эффекту промежуточных групп, были повернуты в сторону многочисленных позитивных эффектов и в первую очередь мобилизации и коммуникации. Основой для изменения послужило расширенное представление о напряженности в ситуации какого-либо кризиса, пробуждающего всплеск гражданской активности. В сущности, степень напряженности уравнивается сдерживающим эффектом, поскольку для его преодоления и активизации на его основе конформистских организаций требуется возрастающая напряженность. Чем негативнее проявляет себя и оценивается социальное движение, тем более крепнет сдерживающий эффект. В массовом обществе не все компоненты промежуточных структур способны решать насущные проблемы, но при этом могут выступать в качестве мобилизационных центров и коммуникативных каналов для движений. Массовому обществу может не доставать эффективных каналов, предотвращающих напряженность, но ему также недостаёт широких сетей и организаций, которые могли бы породить новые движения. Если же открытое общество лишается каналов предотвращения напряженности или они станут неэффективными, то возникнет ситуация, всесторонне потворствующая движениям. Сами же организации или группы давления будут работать как инструменты решения проблем граждан.

С течением времени и развитием обществ ТМО отведено особое место в объяснении массовых процессов. Произошел переход от всестороннего социально-политического объяснения в сторону

более частных, но не менее важных процессов, зависящих от степени сплоченности индивидов, их взаимной обусловленности.

Доктрина ТМО в новом качестве оказалась обусловлена четырьмя аспектами, подчас варьирующимися.

Во-первых, общее соотношение между широтой и жесткостью напряженности определяет активность масс. Так, в случае большой остроты и распространенности проблемы, индивиды, входящие в различные слои и группы, склонны к большему действию, активности. Вероятно, что некоторые конформистские группы поменяют позицию с «охранительной» на нейтральную в силу активности коммуникации их участников. Во-вторых, принятое ранее суждение о возрастающей активности атомизированных индивидов с потерянными социальными связями и статусом было изменено. В либеральном обществе с высокой степенью сплоченности групп и индивидов наблюдается не меньшая, а подчас большая в качественном разнообразии активность в социальных движениях гетерогенного характера. В-третьих, в случае смещения баланса со стороны мобилизационных факторов в пользу ограничивающих механизмов, возникающее движение будет весьма сдержанным, и, вероятно, контролируемым. Доктрина ТМО заявляет: чем выше уровень атомизированности масс, тем выше предполагаемая мотивация и степень участия в движении. Она подходит для объяснения ситуации, когда напряженность не ограничена и движение зарождается в сложных обстоятельствах. В-четвертых, эффекты мобилизации и коммуникации проявляют себя весьма эффективно на ранних этапах движения и в меньшей степени на поздних, когда движение становится известно и легитимно. Однако не стоит забывать о степени радикальности движения и его участников. На нее прямым образом влияет степень общности, интегрированности индивидов в группы.

Таким образом, теория массового общества, опираясь на иррациональность, подверглась методологической критике со стороны рационалистических подходов. При этом общее влияние ТМО на интеллектуальную традицию продолжалось весьма длительное время в силу некоторого стремления попытаться дополнить ее положения и преодолеть ограничения. Однако исторически маятник концепций социальных движений начал раскачиваться в сторону разработки культурно-эмоциональных подходов на основе синтеза, соответственно, в исследовательском поле не осталось места для традиционных взглядов, плодотворно повлиявших на ход исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гвардини Р. Конец философии нового времени // Феномен человека: Антология. М., 1993 С. 240-296.
2. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994. С. 111-130.
3. Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.
4. Католицизм перед лицом «человека массы» // Личность в XX столетии. Анализ буржуазных теорий. М., 1979. С. 94-102.
5. Хлебников И.В. Социальная поляризация современного общества в теории постиндустриализма Д. Белла // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История. 2004. № 3. С. 212-221.
6. Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge. NY., 2011. P. 99.
7. Blumstein A., Cohen J. A theory of the stability of punishment // Journal of Criminal Law and Criminology, 1973. Vol.64, Iss. 2. P.198.
8. Coleman J.S. Community Conflict. 1957. P. 32.
9. Durkheim The Rules of Sociological Method. 1982. P. 98.
10. Holden D. Associations as Reference Groups: an approach to the problem // Rural Sociology. 1965. № 30. P. 63-74.
11. Kerckhoff A., Back K., Miller N. Sociometric Patterns in Hysterical Contagion // Sociometry. 1965. № 27. P. 2-15.
12. Kornhauser W. The Politics of Mass Society. L., 1960. 272 p.
13. Lipset S.M. Agrarian Socialism. 1971. P. 244-268.
14. Riesman D., Glazer N. Faces in the Crowd: Individual Studies in Character and Politics. L., 1965. 634 p.
15. Smelser N. Theory of Collective Behavior. NY., 1965. P. 274-282.
16. Urry J. Reference Groups and the Theory of Revolution. 1978. P. 17-27.

*I.V. Khlebnikov***REVISION OF THE THEORY OF MASS SOCIETY AS PRECONDITION OF RATIONAL APPROACHES OF SOCIAL MOVEMENTS**

Contemporary state of the former significant mass movement theory was explored. Theory of mass movements was reconsidered by the champions of rational approach with its own methodology and scientific means. Their assertions evolved as an opposed scientific approaches. The link between views, succession of movements in time and aspiration toward the theoretical synthesis were analyzed. Slow process of theoretical development of cultural and emotional dimension of social movements is renewed. Since contention is real a network of cultural contacts and personal preferences change links between events and affect to mass activity. A start point to critic of mass movement theory was a wide equation of characteristics of social problems with social movements. There was a necessity to harmonize renewed theoretical positions to historical reality. Unfortunately it was hardly impossible so there were a lot of preconditions to theoretical synthesis of approaches.

Keywords: theory of mass society, social movements, criticism, succession, synthesis, social problems.

Хлебников Илья Викторович,
независимый исследователь,
выпускник аспирантуры по всеобщей истории
Удмуртского государственного университета
426008, Россия, г. Ижевск, ул. Максима Горького, 154-61
E-mail: khlebnikov8@gmail.com

Khlebnikov I.V.,
Independent researcher,
graduate of the PhD program in General History
at Udmurt State University
Maksima Gorkogo st., 154-61, Izhevsk, Russia, 426008
E-mail: khlebnikov8@gmail.com